

П. И. ЖАВОРОНКОВ

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КУЛЬТУРЕ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Понятие «византийский гуманизм» в последние десятилетия все смелее вводится в научную терминологию¹. Правда, до сих пор нет его четкого определения. Нет и единого мнения о том, сколько было «ренессансов» и «гуманизмов» в Византии: один или несколько. Некоторые авторы (например, П. Лемерль², С. Рэнсимен³ и др.) насчитывают их до четырех. В мою задачу не входит ни обоснование, ни отрицание плюралистических концепций нескольких «гуманизмов» в Византии. При любом решении проблемы едва ли можно говорить о византийском гуманизме как широком культурном движении.

Я понимаю, как и И. П. Медведев, под определением «византийский гуманизм XIII—XV вв.» прежде всего тот характерный для некоторых представителей византийского общества «духовно-интеллектуальный, психологический и эстетический комплекс»⁴ мирозерцания, в котором ясно обнаруживается гуманистическая окраска, неизвестная ранее. Именно окраска или гуманистические тенденции, ибо «чистые» гуманисты в Византии едва ли были.

Принято за редким исключением, говоря о византийском гуманизме XIII—XV вв., считать первыми его представителями Никифора Хумна и Феодора Метохита. Причем последний является одновременно и одной из ярких фигур в культуре поздней Византии. Но не на пустом же месте появились эти деятели? Родившись в переломную эпоху византийской истории — восстановление империи и возвращение Константинополя, они не могли не опираться в формировании своих взглядов на ближайших предшественников. Не следует ли в культуре Никейской империи искать первые ростки гуманистических тенденций и того культурного движения, которое затем привело к так называемому «Палеологовскому возрождению»?

Благодатной почвой, на которой смогли взойти ростки нового, было бурное возрождение эллинизма и греческого патриотизма в Никейской империи⁵. В условиях господства латинян обращение к эллинистическим традициям, противопоставление их латинской культуре было не только естественным, но и неизбежным⁶. Ожесточенная борьба против завоевате-

¹ Литературу вопроса и ее историографический обзор см.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 3—9.

² *Lemerle P.* Byzance et les origines de notre civilisation // Venezia e l'Oriente fra tardo Medioevo e Rinascimento. Venezia, 1966. P. 1—17; *Idem.* Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971. P. 7.

³ *Runciman S.* The Last Byzantine Renaissance. Cambridge University Press, 1970; *Idem.* Byzantium and the Renaissance. Tucson, 1970.

⁴ *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 9.

⁵ *Irmscher J.* Nikäa als «Mittelpunkt des griechischen Patriotismus» // BF. 1972. 4. S. 117—119.

⁶ *Лазарев В. Н.* Новый памятник Константинопольской миниатюры XIII в. // ВВ. 1952. 5. С. 188.

лей вызвала подъем эллинского самосознания и одновременно привела к мысли, что мечта о всемирной империи, наследнице Древнего Рима, должна быть оставлена. Собственно, политические условия для пересмотра идеи о Византийской империи как *imperium universale* начали складываться с момента образования самостоятельных Болгарского и Сербского государств. Политическая ситуация, сложившаяся после 1204 г., придала лишь новый импульс для отказа от универсализма и замены *imperium universale* на *imperium unicum*⁷, которую еще предстояло создать. Именно к осуществлению этой цели и были направлены социально-политические и дипломатические усилия династии Ласкарей (до 1259 г.)⁸, стремившейся восстановить бывшую Византийскую империю в территориальных рамках, существовавших до 1204 г., как независимое и единое греческое государство с одним императором и патриархом⁹.

После 1204 г. византийцы все чаще называют себя не «ромеями», а «эллинами», словом, которое раньше было синонимом язычника¹⁰. Новое употребление слова «эллина» означало не только растущее осознание никейскими учеными их прошлого, но и реакцию на увеличивающуюся культурную (помимо политической и церковной) угрозу со стороны латинян¹¹. Никея «по обилию ученых людей представляется современникам древним Афинам»¹², а сама империя идентифицируется с Элладой¹³. «Ромейская храбрость» и «ромейские воины» уступают место «эллинской храбрости» и «эллинским воинам»¹⁴.

Никейские ученые и писатели, обратившиеся к прошлому греков, увидели в подернутой дымкой далекой исторической действительности свой идеал. Это глубокое внимание к эллинскому прошлому проявилось в целенаправленных поисках и собирании старых рукописей с текстами древнегреческих ученых и мыслителей (вспомним, например, поездку Никифора Влеммида на Балканы за рукописями), широком комментировании и переписывании древних авторов¹⁵. Интерес к античности, ко-

⁷ Βασιλόπουλος Α. Ε. 'Ιστορία τοῦ νεοῦ Ἑλληνισμοῦ. Θεσσαλονίκη, 1961. Τ. 1. Σ. 60-72; *Tarkova-Zaimova V. L'idée byzantine de l'unité du monde et l'état Bulgare // Actes du premier Congrès International des études Balkanique et Sud-Est Européennes. Sofia, 1969. T. 3. P. 297; Brezeanu S. La fonction de l'idée d'IMPERIUM UNICUM chez les Byzantins de la première moitié du XIIIe siècle // RESEE. 1978. 16. P. 62—64.*

⁸ *Жагоронкова П. И. Никейская империя в системе международных отношений XIII века: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1975; Brezeanu S. Politica interna a Imperiului de la Niceea (1204—1261). Resumé de thèse de doctorat. Bucarest, 1975.*

⁹ Осуществляя эту идею, Никея, разумеется, с одной стороны, не могла признать императорские титулы Феодора Ангела и трапезундских Великих Комнинов, а с другой — предоставляя автокефальность церквям Сербии и Болгарии (а позднее и Трапезунду), утверждала себя в качестве единственного церковного центра православия, хотя и нарушала сознательно формальные права архиепископа Охрида. См. протесты Хоматиана в письмах к св. Саве и патриарху Герману II: *Pitra J. Analecta sacra et classica Specilegio Solesmensi parata. Parisii et Romae, 1891. T. 6. Col. 381—385, 496; Meyendorff J. Ideological crises (1071—1261) // XVe Congrès Intern. d'Etudes Byzantines. Rapports et co-Rapports. Athen, 1976. 4. 1. P. 11.*

¹⁰ В Никее теперь оно в таком значении употребляется крайне редко: *Angold M. A. Byzantin Government in Exile: Government and Society under the Lascarids of Niceea, 1204—1261. Oxford, 1975. P. 29—30.*

¹¹ *Ibid. P. 30; Angold M. A. Byzantine «Nationalism» and the Nicaean Empire // Byzantine and Modern Greek Studies. 1975. 1. P. 49—70.*

¹² *Georgii Cyprii λόγος τὰ καθ'ἑαυτὸν περιέχων // PG. 142. Col. 22.*

¹³ *Ἑλιὰς (Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII / Nunc primum editum N. Festa, Firenze, 1898. (Далее: Lascaris Epistulae). P. 176.52—53); τὸ Ἑλληνικὸν (Ibid. P. 165.23—24); Ἑλληνίς Ἐπιγράμματα (Nicephori Blemmidae Curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896. (Далее: Nic. Blem.). P. 63; Ἑλληνίς γῆ (Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1. (Далее: Acrop. I). P. 166.7).*

¹⁴ *Lascaris Epistulae. P. 58.80—84.*

¹⁵ *Buchthal H. An Unknown Byzantine Manuscript of the Thirteenth Century // The Connoisseur. 1964. 155, N 626. P. 217—224; Prato G. Un autografo di Teodoro II Lascaris imperatore di Nicea? // JOB. 1981. 30. P. 249—258; Idem. La produzione libraria in area grecoorientale nel periodo del regno latino di Costantinopoli (1204—1261) // Scrittura e civiltà. 1981. 5. P. 105—147; Spatharakis I. An Illuminated Manuscript from the Nicaean Era // CA. 1979. 28. P. 137—141.*

торый никогда не исчезал в Византии, в первой половине XIII в. становится необычайно широким в среде интеллектуалов. Никейские писатели и ученые уже не мыслят своего творчества без активного использования античного наследия: цитирования древних авторов, пересказывания мифов, обращения к образам и примерам из истории, поэзии и прозы¹⁶. Этим же интересом и реставраторскими тенденциями следует объяснить и стремление облекать свои произведения в те античные формы и жанры, которые ранее крайне редко использовались в византийской литературе. Так, два стихотворения Никифора Влеммида¹⁷, воспевающие Сосандрийский монастырь, написаны одно гекзаметром (даже выдержана «гомеровская» дикция), а другое — ямбическим триметром; прозаическая же «Царская статуя»¹⁸ написана в жанре политической дидактической речи, напоминающей по форме речи Диона Хрисостома и Синесия. Необходимо отметить, что и начало элегии Акрополита на смерть императрицы Ирины¹⁹ очень похоже на античный жанр надгробной эпитафии²⁰.

Но гуманизм (тем более для Византии) — это не только обращение к античности и возрождение эллинского духа, но и энциклопедизм его носителей. Универсализм (жажда широких и всесторонних, в чем-то, может быть даже поверхностных, знаний), как известно, был присущ многим умам эпохи Возрождения. Отчасти эти черты были свойственны и никейским ученым. Никифора Влеммида и Феодора II Ласкаря при всей разнохарактерности их творческой деятельности объединяет одна черта: широкий круг интересов. Из-под их пера вышли труды по философии, физике, географии, астрономии, медицине, политические и богословские трактаты, автобиографии, поэтические и риторические произведения, богатая эпистолография и т. д.

Как известно, философской основой византийского гуманизма XIV—XV вв. был неоплатонизм. Влеммид и Феодор II в своих философских концепциях придерживались в целом еще аристотелизма. Но вместе с тем мы найдем у них немало примеров критики Стагирита и признание правильности выводов неоплатоников и даже дальнейшее развитие их теорий.

В качестве примера приведем расхождение Влеммида с Аристотелем в определении причины естественного движения тела. Древнегреческий философ связывал его с природными свойствами элементов: земля, вода, воздух — тяжелы, а потому их естественное движение — прямолинейное направление к центру мира. Четвертый элемент — огонь — абсолютно легкий, и поэтому его движение — от центра мира. Никифор Влеммид, напротив, утверждал, что причиной естественного движения является не тяжесть или легкость элемента, а его родство (*οὐχέωσις*) с определенным состоянием и стремление каждого элемента к своей целостности. Поэтому все четыре элемента не имеют никакого другого естественного движения, кроме тенденции к объединению в свое единое целое. Их естественное состояние — покой²¹. Исходным пунктом теории Влеммида о естественном движении были идеи неоплатоников, в частности Плотина. Эта теория оказала значительное влияние на взгляды западноевропейских ученых: Николая Кузанского и Келлера²².

¹⁶ Praeher K. Antikes in der Gradrede des Georgios Akropolites auf Johannes Dukas // ВЗ. 1905. 14. S. 479; Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета, IX—XV вв. М., 1978. С. 179—182.

¹⁷ Nic. Blem. P. 110—119.

¹⁸ De regis officiis // PG. 142. Col. 658—677.

¹⁹ Georgii] Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 2. (Далее: *Acrop.* II). P. 3—6. •

²⁰ Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Указ. соч. С. 178.

²¹ PG. 142. Col. 1218. Подробнее см.: Жаворонков П. И. О философских взглядах Никифора Влеммида // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 94—99.

²² Tsoyopoulos N. Das Ätherproblem und Physik-Abhandlung des Nikephoros Blemmydes // «Rechenphennige» K. Vogel zum 80. Geburtstag (8.1.1968). München, 1968. S. 80—81.

Общепризнанным является в литературе тезис о том, что философское мышление в Византии вращалось вокруг двух крупнейших идеалистов древности — Аристотеля и Платона. Материалистические идеи отсутствовали.

Но в одном из писем Феодора II Ласкаря мы встречаем упоминание (к сожалению, только глухое, без пояснений и имен) о существовании при никейском дворе материалистического направления в философии, придерживающегося идей Гераклита и Демокрита²³. Было ли случайным, что именно в Никее мы встречаемся с материалистическим направлением в философии? Хотя сам император относился к нему отрицательно, но, может быть, именно оно оказало на него влияние в формулировании значения опыта, который «многое разъясняет и дает право поставить вопрос о наличии или отсутствии чего-либо»²⁴. Известно, что Аристотель не считал опыт последней инстанцией в проверке «мнения». Признание превосходства опыта над умозрительными построениями было шагом вперед в познании категорий истинного и ложного. Для средневековой философии такое понимание опыта было новым. Но этот шаг был робким и несмелым: Феодор не смог или не захотел подробно обосновать этот материалистический вывод.

В большей степени гуманистические тенденции или мотивы проявились в литературе Никейской империи. Наряду с обостренным вниманием к событиям общественной жизни в ней шел параллельный процесс развития индивидуалистических тенденций. Потребность человека разобраться в собственном мире чувств, раскрыть свою душу, выразить свой духовный мир в слове и письме становится одной из характерных особенностей многих сочинений писателей XIII в., и в первую очередь автобиографий. От этого века, как ни от какого другого, сохранилось пять автобиографий: Никифора Влеммида, Георгия Акрополита, императора Михаила VIII Палеолога, Георгия Кипрского и Георгия Пахимера, — из которых только первая хронологически относится к эпохе Никейской империи и тем самым знаменует начало в развитии индивидуалистических и гуманистических тенденций, столь характерных для последующего развития в палеологовскую эпоху.

Главная цель автобиографии Влеммида²⁵ — оставить о себе воспоминание и «воздвигнуть — по его словам — столп исповедания»²⁶. Поэтому общественные события освещаются лишь настолько, насколько необходимо для понимания читателей происходящего с автором. Обостренный интерес к собственной личности, ярко выраженный в автобиографии, — явление довольно редкое в византийской литературе предыдущих веков: оно может быть соотнесено с преувеличенным значением каждого момента жизни у Ливания в его сочинении «О моей судьбе»²⁷. Как и Ливаний, Влеммид в первой части автобиографии занят исключительно своей личностью. Он подробно рассказывает о своем детстве, друзьях юности, первом любовном увлечении и горьком разочаровании в предмете своей страсти, постоянном интересе к наукам и о годах обучения в Скамад্রে, Нимфее и Никее²⁸, обращает внимание читателя на те эпизоды из своей жизни, которые могли окончиться трагически: плавание в шторм, нападение пиратов, спасение от рухнувшей на него в доме колонны²⁹.

Среди поэтического творчества никейских писателей своей свежестью, искренностью чувств, человечностью, чисто мирским идеалом взаимной

²³ *Lascares Epistulae*. P. 41.1—8.

²⁴ *Κοσμική Δηλώσις* / Ed. N. Festa // *Giornale della società asiatica italiana*. 1897—98. T. XI. Pt. 1. P. 22. 31.

²⁵ *Nic. Blem.*

²⁶ *Nic. Blem.* P. 1.4—5.

²⁷ *История Византии*. М., 1967. Т. 3. С. 257—258.

²⁸ *Nic. Blem.* P. 2.9—7.26.

²⁹ *Ibid.* P. 71—72; *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Указ. соч. С. 171.

любви выделяется известная элегия Георгия Акрополита³⁰ на смерть жены императора Иоанна III Ватаца. Вот несколько строф из нее:

«Во цвете лет девических судьба дала
Мне разделить и ложе, и владычество
С таким супругом! . . .
И с ним я сочеталась, с юным юная,
И по любви взаимной с ним в одно слилась.
Связало нас законное супружество,
Но крепче страсть связала обоюдная:
Супружество смесило нас в едину плоть,
Любовь же душу нам дала единую.
Да, я любила крепко, он — еще сильнее,
Да, я дарила радость и брала ее!
Он был мне дорог, как очей сиянье,
Но я ему дороже, чем сиянье глаз. . .»³¹

Действительно, трудно не согласится со словами С. С. Аверинцева, что в элегии «открывается такая прочувственность и человечность, какую нелегко отыскать в светской византийской поэзии»³².

Возникновению гуманистических элементов в культуре Никейской империи способствовала и та духовная атмосфера, которая окружала греческих интеллектуалов. При никейском дворе уже в царствование Иоанна III имелся кружок истинных любителей науки и литературы, группировавшийся вокруг императора и пользующийся его вниманием и поддержкой. Сам Ватац любил присутствовать на диспутах, поговорить о литературе. Среди членов кружка выделялся месадрон Димитрий Торник, «глава» никейского правительства, получивший хорошее образование³³.

Переписка Феодора II позволяет нам представить тот интеллектуальный кружок, который образовался вокруг его личности. В него входили, помимо Влеммида и Акрополита, Месопотампт, Михаил Сенахерим, Андроник Франкопул, Агиофеодорит и другие ученые. Духовные интересы этого кружка лежали в области науки и литературы, подтверждением чего служит их обширная переписка между собой. Письма тогда имели большое значение и их содержание оглашалось среди друзей. Каждое письмо являлось почти законченным литературным произведением, в котором смысл затемнен риторикой, а действительный случай завуалирован. Широко применяется прием сравнения и противопоставления, тезиса и антитезы, сознательного отказа от изображения реального и конкретного, что было характерно и для эпистолографии итальянского гуманизма³⁴.

Замечательным литературным сокровищем эпохи являются письма самого Феодора II³⁵, большая часть которых адресована членам кружка. Император, воспитанный в эллинистических традициях, увлеченный античными поэтами, ораторами и музыкой, сволнующей искренностью и тонкостью передает в письмах случаи из своей жизни, моменты своего душевного настроения. В них то сквозит легкая ирония, переходящая в сатиру, то вплетается философское размышление о сущности бытия, оканчивающееся

³⁰ *Асфор.* II. Т. 3—6. Улучшенный текст см.: в: *Horandner W. Prodrum Reminiszenzen bei Dichtern der Nikänischen Zeit* // BF. 1972. 4. S. 89—93.

³¹ Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969. С. 329. (Пер. С. С. Аверинцева).

³² История Византии. Т. 3. С. 259.

³³ *Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Пр., 1927. С. 149. Об обязанностях и роли месадрона в Никее см.: *Verpeaux J. Contribution à l'étude de l'administration byzantine: le mesadron* // BS. 1955. Т. 16. P. 274—275; *Angold M. A Byzantine Government. . .* P. 155—161.

³⁴ *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 19—20.

³⁵ Из всего объема эпистолярного наследия никейских ученых, писателей и государственных лиц, которое к настоящему времени насчитывает более 300 писем, 227 принадлежат императору. См.: *Сметанин В. А.* Об объеме эпистолярного наследия поздневизантийских императоров // АДСВ. 1973. 10. С. 297—303.

сожалением по поводу бренности мира, то все пронизывается сочувственным и расположением к адресату. Письма передают новое эстетическое восприятие жизни, интерес к прошлому, красоте памятников и ландшафтов.

В качестве примера можно привести одно из писем императора, которое по глубине содержания и настроения, по выражению русской исследовательницы М. А. Андреевой, «могло бы принадлежать перу итальянского гуманиста»³⁶. Речь идет о небольшом письме, адресованном Акрополиту³⁷, в котором император описывает свое посещение Пергама. Заброшенность города являет печальное зрелище. Впечатляет лишь сохранившийся театр, который олицетворяет собой величие эллинского мира, несмотря на все-разрушающее влияние времени. Это же величие древних Феодор видит и в полуразрушенных стенах пергамских зданий, и в полностью сохранившихся водопроводе и акведуке, арки которого производили впечатление монолита и в то же время отличались такой легкостью и естественностью изгиба, что «сам бы Фидий поразился, увидев их»³⁸. В конце письма император проводит аналогию между состоянием города, по которому везде валялись куски мраморных колонн, навевающие на зрителя печаль о прошлом, и жизнью теперешних его обитателей.

В придворном кругу ученых высоко ценились знания. Они гордились ими, при каждом удобном случае стремились устраивать диспуты как между собой, так и с приезжающими представителями Запада. Споры сопровождались чаще желанием блеснуть своими знаниями перед папскими легатами, чем стремлением найти примиряющую формулу. Интересно описание Феодором II диспута с главой посольства Фридриха II маркизом Бертольдом фон Гогенбургом³⁹. Среди свиты маркиза были ученые и врачи, которые уверяли, что изучили, кроме тривиума, и квадравиум и имели некоторое знакомство с Аристотелем, а именно с его этикой и политикой. Но в ходе спора император пришел к выводу, что из арифметики и геометрии они знали только немного планиметрию, из астрономии — астрологию, которая в Византии не занимала такого места, как на Западе. Они совершенно не знали политику и физику, а в этике и логике делали много ошибок. Единственно, в чем западные ученые, по мнению Феодора, были сильны, кроме астрологии, так это в риторике.

На примере жизни и деятельности Никифора Влеммида можно увидеть еще один гуманистический признак, который в XIV в. станет идеалом ученого, — это стремление выделить занятия наукой и творчеством в особую сферу деятельности, целенаправленно заниматься которой можно, лишь отказавшись от мирских забот и семейной жизни. Действительно, почти все творческое наследие Влеммида создано им в течение последних 23 лет, когда он поселился в собственном монастыре и полностью отдался научной и педагогической работе, никуда не уезжая и ведя обширную переписку. Барьер, который разделял светскую и церковную культуру до 1204 г., пал. Эллинизм больше не считался несовместимым с монашеской жизнью. По примеру Влеммида Плануд, игумен монастыря в Вифинии, преподавал светские науки мирянам⁴⁰.

Существование и тесное переплетение между собой в культуре Никейской империи двух традиционных течений — светского и богословского (последнего, естественно, мы здесь не касались) — дало повод ряду историков, например Г. Хунгеру, объявить Феодора II Ласкаря «христианским гуманистом»⁴¹. Я думаю, более прав И. П. Медведев, считаю-

³⁶ Андреева М. А. Очерки. . . С. 169.

³⁷ *Lascaris Epistulae*. P. 107—108.

³⁸ *Ibid.* P. 10.15—16.

³⁹ *Lascaris Epistulae*. P. 174—176.

⁴⁰ *Tuller A. Recherches sur les origines de la Renaissance byzantine au XIIIe siècle // Bulletin de l'Association G. Bude*. P., 1955. 3. P. 75—76.

⁴¹ *Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst der frühen Papaiologenzeit // Byzantinische Grundlagenforschung*. L., 1973. 20. S. 136.

щий, что гуманистические воззрения подобных Феодору II лиц «формировались не благодаря их христианскому сознанию, а вопреки ему»⁴².

Заканчивая этот далеко не полный обзор гуманистических элементов в культуре Никейской империи и, может быть, в чем-то еще несовершенный (переработанность многих понятий применительно к византийскому гуманизму очевидна), все же подведем некоторый итог: в творчестве и деятельности ведущих ученых и писателей Никейской империи уже заметны некоторые гуманистические мотивы. Прежде всего, глубокий и осознанный интерес к античности, к окружающему миру и человеку, а также энциклопедизм, страсть к научным знаниям, стремление выразить свой духовный мир, чувства и впечатления в слове. Все это сближает никейских интеллектуалов с византийскими гуманистами XIV—XV вв.

---

⁴² *Медведев И. П.* Указ. соч. С. 88.